

Аверченко Аркадий
Одиннадцать слонов

I

Схватив меня за руку, Стряпухин быстро спросил:

- В котором ухе звенит? Ну! Ну! Скорее!!

- У кого звенит в ухе? - удивился я.

- Да у меня! Ах ты. Господи! У меня же!! Скорее! Говори!

Я прислушался.

- В котором? Что-то я не слышу... А ты сам сразу не можешь разобрать?

- Да ты угадай, понимаешь? Угадай! Какой ты бестолковый!..

- Да угадать-то не трудно, - согласился я. - Если бы ушей было много ну, тогда другое дело... А то два уха - это пустяки. Левое, что ли?

- Верно, молодец!

Я самодовольно улыбнулся.

- Еще бы! Я могу это - и вообще... многое другое... А зачем тебе нужно было, чтобы я угадал?..

- А как же! Такая примета есть... Я что-то задумал. Если ты угадал, значит, исполнится.

- А что ты задумал?

- Нельзя сказать. Если скажу - оно не исполнится.

- Откуда ты знаешь?

- Такая примета есть.

- Ну, тогда прощай, - проворчал я, немного обиженный. - Пойду домой.

- Уже уходишь? Да который теперь час?

- Не могу сказать, - упрямо ухмыльнулся я.

- Почему?

- Такая примета есть.

Его лицо выразило беспокойство.

- Неужели есть такая примета?

- Еще бы... Самая верная. Несчастье приносит.

- А ты знаешь, я ведь часто отвечал на вопрос: "Который час?"

- Ну вот, - улыбнулся я зловеще. - И пеняй сам на себя. Обязательно это к худу.

Он призадумался:

- Постой, постой... И верно ведь! Вчера у меня шапку украли в театре.

- Каракулеву? - спросил я.

- Нет, котиковую.

- Ну, тогда это ничего.

- А что?

- Примета такая есть. Пропажа котиковой шапки - в доме радость.

Он даже не спросил: в чьем доме радость - в его или воровском. Просиял.

- Я тоже с тобой выйду. Прислуга побежала за ворота - дай я тебе пальто поддержку.

Я натянул с его помощью пальто, а когда он снял с вешалки свое, я сказал:

- Ты прости, но я тебе тем же услужить не могу.

- Почему?

- Такая примета есть: если гость хозяину пальто подает - в доме умереть должны.

Стряпухин отскочил от меня и наскоро натянул в углу сам на себя пальто.

Когда мы шагали по улице, он задумчиво сказал:

- Да, приметы есть удивительные. Есть счастливые, есть несчастливые. Но на днях я узнал удивительную штуку, которая приносит счастье и застраховывает от всяких неудач.

- Это еще что?

- Слоны. Одиннадцать слонов. Нужно купить одиннадцать штук от самого большого до самого маленького и держать их в доме. Поразительная примета.

- Что ж ты, уже купил их?

- Девять штук. Двух еще нет. Самых больших. Да они дорогие, большие-то. Рублей по тридцати... Кстати, ты не можешь одолжить мне пятьдесят рублей? Я бы завтра комплект уже имел.

- Что ты! Разве можно одалживать деньги в пятницу?! Есть такая приме...

- Да сегодня разве пятница? Нынче ведь четверг, - возразил он.

Сначала я растерялся, а потом улыбнулся с видом превосходства.

- Я знаю, что четверг. Но ведь четверг - это у нас?

- Ну да.

- А в Индии-то что теперь? Пятница!

- Пятница, - машинально подтвердил он, приоткрыв от недоумения рот.

- Ну вот. А слоны-то ведь индийские?

- Какие слоны?

- Да которых ты собираешься покупать!

- Предположим.

- То-то и оно. Как же можно в пятницу деньга давать займы? Несчастье...

Страшная примета есть.

Он замолчал.

II

Стряпухин исчез на долгое время. Но однажды пришел ко мне расстроенный, с явными признаками на лице и в костюме целого ряда жизненных неудач.

- Эге, - сочувственно встретил я его. - Твои дела, вижу, неважные. Как поживаешь?

- Да, брат, плохо... У жены чухотка.

- Гнусная вещь, - согласился я. - Впрочем, вези ее на юг. Теперь это легко поправить можно.

- Да откуда же я денег-то возьму?

- А у жены-то были ведь деньги... я знаю... Несколько тысконок.

- Были да сплыли. На бирже проиграл.

- Эх, ты, Фалалей! Ну, на службе возьми аванс.

- Хватился! Со службы уволили. За биржевую игру. Вы, говорят, еще наши деньги проиграете, казенные.

- Однако! А что же твой дядя какой-то? Помнишь, ты говорил: собирался умереть и тебе дом оставить.

- Да и умер. Только не тот дядя, а другой. Вдовец с двумя детьми. Детей мне оставил... Прямо беда!

- Так ты бы продал что-нибудь из обстановки... У тебя ведь обстановка хорошая, я помню, была...

Он тоскливым взглядом посмотрел на меня.

- Продано, брат. Почти все. Кроме слонов.
  - Каких слонов? - удивился я.
  - Да тех, что я, помнишь, говорил.
  - А они дорогие?
  - Рублей полтораста...
  - Так ты бы их и пустил в оборот. Это ведь жене месяц жизни в Крыму.
- Стряпухин откинулся назад и всплеснул руками:
- Что ты! Как же я могу их продать, когда они приносят счастье!

III

Я долго прохаживался по кабинету, бормоча себе под нос всякие рассуждения.

Остановился перед Стряпухиным и сказал:

- Дурак ты, дурак, братец!
- Почему?
- Такая примета есть.

Он бледно, насильственно улыбнулся.

- Вот ты теперь уже и ругаешься. Ругаться-то легко.

- И ругаюсь! Обрати внимание: не было у тебя этих слонов - жена была здорова, деньги в банке лежали и служба была. Появились слоны, которые, ты говорил, счастье приносят, - и что же!

- А ведь верно! - охнул он, побледнев. - Я совсем не обратил на это внимания...

Действительно... Знаешь, тут есть какой-то секрет. Может быть, не одиннадцать слонов нужно, а какое-нибудь другое количество?

Я кивнул головой.

- Весьма возможно... И может быть, нужно было не слонов покупать, а каких-нибудь верблюдов или зайцев.

- А в самом деле! - ахнул он, приоткрыв по своей привычке от изумления рот.

- И может быть, не покупать их, а украсть нужно было...

- Да, да!..

- ...и держать не в доме, а в погребе.

Оба мы замолчали. Он поднял опущенную голову и несмело спросил:

- Ну, как ты думаешь - верблюда или зайца?

Я пожал плечами.

- Конечно, верблюда.

- Почему?

- Примета такая есть.

- А сколько их надо?..

- Тридцать восемь штук.

- Ого! - с оттенком уважения в голосе пробормотал Стряпухин. - Вот это число!

Что же их... покупать нужно?

- Украсть! Только украсть! И держать в погребе на бочке с огурцами. Такая примета есть.

Он внимательно разглядывал выражение лица моего, и в глазах его я прочел легкое колебание.

- Что это ты?.. - робко заметил он. - Не то говоришь серьезно... не то насмехаешься надо мной.

Я горячо воскликнул:

- Что ты, что ты! Я говорю совершенно серьезно. Слоны ведь тебе не помогли, а? Одиннадцать слонов мал мала меньше. Ведь не помогли? Так?

- Не помогли, - вздохнул он.

- Ну вот! Попробуем верблюдов. Тридцать восемь верблюдов! Не купим их, а стащим в магазине: это и дешевле и практичнее. Поставим в погреб и посмотрим - не повернется ли фортуна к тебе лицом? Если все будет по-прежнему плохо - верблюдов к черту, купим лисиц или лягушек, индийских болванчиков, крокодилов, черта, дьявола лысого купим! Попробуем покупать по семнадцать, по тридцать три, по шестьдесят штук, будем держать их под полом, на крыше, в печной трубе - все испробуем, все испытаем!! Как только тебе повезет - стоп! Вот, значит, скажем мы, это и есть настоящая примета!

- Да ты это... серьезно?

- А то как же, братец? Слоны твои провалились - нужно искать других путей. Какой-то немец-профессор сделал свыше девятисот комбинаций лекарства, пока не наткнулся на настоящую. У нас будет девять тысяч комбинаций - но ничего! Ведь он открывал только новое лекарство, а мы ищем секрет счастья... Разрешить проблему счастья - какая это великая миссия!!

- Да ведь этак всю жизнь провозишься...

- А ты что же думал? И провозишься.

Он устало опустил голову.

- Боже, как все это неопределенно... А может быть, вся штука в том, что слонов нужно не одиннадцать, а двенадцать. Прикупим еще одного...

- Может быть! Жаль, что это не ослы. Если бы ты имел одиннадцать ослов, то двенадцатого и прикупать бы не стоило.

С видом человека, окончательно запутавшегося в сложной тине жизни, он поднял на меня глаза:

- Почему?

IV

Уходя, он небрежно спросил, боясь выказать интерес к ответу и вызвать тем новые мои насмешки:

- Сколько, ты сказал, верблюдов?

- Тридцать восемь, - ехидно улыбнулся я. - Думаешь купить?

- Нет, не то. А вот нужно бы запомнить цифру тридцать восемь. Буду нынче в клубе, возьму карту лото с этой цифрой.

- Ага! Ты и этим занимаешься? Что же, везет?

- Пока нет.

И в глазах его светилось отчаяние.

- Почему? - допрашивал я безжалостно. - На какую, например, цифру ты вчера брал карту?

- Восемьдесят шесть. Счастливое число. Мой кузен Гриша на эту цифру в лотерею корову выиграл.

- Значит, и ты выиграл?!!

- Нет, - робко прошептал он, запуганный моим криком, моими оскорблениями, моей иронией.

Я схватил его за шиворот.

- Так как же ты, каналья, находишь это число счастливым?!

- Пстой... Пусти! Я бы, может быть, и выиграл, а только, уходя из дому, забыл ключ и с дороги вернулся. А это считается очень нехорошо. Примета...

* * *

Рассказанную мною правдивую историю я считаю очень нравоучительной.

Тем не менее я уверен, что среди моих читателей найдется пара-другая людей, которые запомнят цифры 38 и 86.

И подумают они: "Что ты там себе ни говори, а мы на эти цифры возьмем карточку и сыграем в лото".

Так и быть, сообщу я для них еще одну, самую верную счастливую цифру: пятьдесят девять.

Играйте на нее... Замечательная цифра.

А проиграете, - значит, покойника встретили или кошка дорогу перебежала.

Так вам и надо! Мне все равно вас не жаль.

Аверченко Аркадий Слабая голова

Позвонили мне по телефону.

– Кто говорит? - спросил я.

– Из дома умалишенных.

– Ага. Здравствуйте. Я ведь ничего, я только так. Хи-хи. Ну, как поживают больные?

– Насчет одного из них мы и звоним. Вы знавали Павла Гречухина?

– Ну как же! Приятели были. Да ведь он, бедняга, в 1915 году с ума сошел...

– Поздравляем вас! Только что совершенно выздоровел. Просится, чтобы вы его забрали отсюда.

– Павлушу-то? Да с удовольствием!

Заехал я за ним, привез к себе.

* * *

– Ф-фу! - сказал он, опускаясь в кресло. - Будто я снова на свет

Божий народился. Ведь, ты знаешь, я за это время совершенно был отрезан от мира. Рассказывай мне все! Ну, как Вильгельм?

– Ничего себе, спасибо.

– Ты мне прежде всего скажи вот что: кто кого победил - Германия Россию или Россия Германию?

– Союзники победили Германию.

– Слава Богу! Значит, Россия - победительница?

– Нет, побежденная.

– Фу ты, дьявол, ничего не пойму. А как же союзники допустили?

– Видишь ли - это очень сложно. Ты на свежую голову не поймешь. Спрашивай о другом.

– Как поживает Распутин?

– Ничего себе, спасибо, убит.

- Сейчас в России монархия?
- А черт его знает. Четвертый год выясняем.
- Однако, образ правления...
- Образа нет. Безобразие.
- Так-с. Печально. Спички есть? Смерть курить хочется.
- Нету спичек, не курю.
- Позови горничную.
- Маша-а-а!

Вот что, Машенька, или как вас там... Вот вам три копейки, купите мне сразу три коробки спичек.

- Хи-хи...
  - Чего вы смеетесь? Слушай, чего она смеется?
  - А видишь ли... У нас сейчас три коробки спичек дорожке стоят.
  - Намного?
  - Нет, на пустяки. На пятьсот рублей.
  - Только-то? Гм! Чего ж оно так?
  - Да, понимаешь, за последнее время много поджогов было. Пожары все. Спрос большой. Вот и вздорожали.
  - Так-с. Эва, как ботиночки мои разлезлись... Слушай, ты мне не одолжишь ли рублей пятьсот?
  - На что тебе?
  - Да немного экипироваться хотел: пальтецо справлю, пару костюмчиков, ботиночки, кое-что из бельяца.
  - Нет, таких денег у меня нет.
  - Неужели пяти катеринок не найдется?
  - Теперь этого мало. Два миллиона надо.
- Павлуша странно поглядел на меня и замолчал.
- Чего ты вдруг умолк?
  - Да так, знаешь. Ну, дай мне хоть сто рублишек. Поеду в Питер - там у меня родные.
  - Они уже умерли.
  - Как? Все?
  - Конечно, все. Зря, брат, там в живых никто не останется.
  - Ну, я все-таки поеду. Хоть наследство получу.
  - Оно уже получено. Теперь все наследства получает коммуна.
- Взор его сделался странным. Каким-то чужим. Он посмотрел в потолок и тихо запел:

*Тра-та-та, тра-та-та,
Вышла кошка за кота.*

- Мне почему-то сделалось жутко. Чтобы отвлечь его мысли, я сообщил новость:
- А знаешь, твой кузен Володя служит в подрайонном исполкоме Совдепа.
- Павлуша внимательно поглядел на меня и вежливо ответил:
- Ду-ю спик англиш? Гай-ду-ду. Кис ми квик. Слушай... Ну, я в Москву поеду...

– Да не попадешь ты туда, чудак!
– Почему, сэр?
– Дойдешь ты до Михайловки, за Михайловкой большевики.
– Кто-о?
– Это тебе долго объяснять. Проехал ты, скажем, большевиков - начинается страна махновцев; проехал, если тебя не убьют, махновцев - начинается страна петлюровцев. Предположим, проехал ты и их... Только что въехал в самую Совдепию - возьмут тебя и поставят к стенке.
– Ну, что ж, что поставят. А я постою и уйду.
– Да, уйдешь, как же. Они в тебя стрелять будут.
– За что?
– За то, что ты белогвардеец.
– Да я не военный.
– Это, видишь ли, тебе долго объяснять. Конечно, если ты достанешь мандат харьковского Реввоенсовета или хоть Совнархоза...
Павлуша схватился за голову, встал с кресла и стал танцевать на ковре, припевая:

*Чикалу, ликалу
Не бывать мне на балу!
Чика-чика-чикалочки -
Едет черт на палочке...*

– Знаешь что, Павлуша, - предложил я, - поедem прокатимся. Заедem по дороге в сумасшедший дом. Я там давеча портсигар забыл.
Он поглядел на меня лукавым взглядом помешанного.
– Ты ж не куришь?
– А я в портсигаре деньги ношу.
– Пожалуй, поедem, - согласился Павлуша, - хитро улыбаясь. - Если ты устал, я тебя там оставлю, отдохнешь. Два-три месяца, и, глядишь, все будет хорошо.
Поехали.
Он думал, что везет меня, а я был уверен, что везу его.
Когда вошли в вестибюль, Павлуша отскочил от меня и, спрятавшись за колонну, закричал:
– Берите вот этого! Он с ума сошел.
Ко мне подошел главный доктор.
– Зачем вы его опять привезли? Ведь он выздоровел.
Я махнул рукой.
– Опять готов!
Павлуша вышел из-за колонны, расшаркался перед доктором и вежливо сказал:
– Простите, сэр, что я до сих пор не удосужился поджечь ваш прелестный дом.
Но спички стоят так дорого, что лучше уж я стану к стеночке.

Взяли Павлушу. Повели.

Слава Богу: хоть одного человека я устроил как следует.

Аверченко Аркадий

Приятельское письмо Ленину от Аркадия Аверченко

Здравствуй, голубчик! Ну, как поживаешь? Всё ли у тебя в полном здравьи?

Кстати, ты, захлопотавшись около государственных дел, вероятно, забыл меня?..

А я тебя помню.

Я тот самый твой коллега по журналистике Аверченко, который, если ты помнишь, топтался внизу, около дома Кшесинской, в то время, как ты стоял на балконе и кричал во всё горло:

-- Надо додушить буржуазию! Грабь награбленное!

Я тот самый Аверченко, на которого, помнишь, жаловался Луначарский, что я, дескать, в своём "Сатириконе" издеваюсь и смеюсь над вами.

Ты тогда же приказал Урицкому закрыть навсегда мой журнал, а меня доставить на Гороховую.

Прости, голубчик, что я за два дня до этой предполагаемой доставки на Гороховую - уехал из Петербурга, даже не простившись с тобой. захлопотался.

Ты тогда же отдал приказ задержать меня на ст. Зерново, но я совсем забыл тебе сказать перед отъездом, что поеду через Унечу.

Не ожидал ты этого?

Кстати, спасибо тебе. на Унече твои коммунисты приняли меня замечательно. правда, комендант Унечи - знаменитая курсистка товарищ Хайкина сначала хотела меня расстрелять.

-- За что? - спросил я.

-- За то, что вы в своих фельетонах так ругали большевиков.

Я ударил себя в грудь и вскричал обиженно:

-- А вы читали мои самые последние фельетоны?

-- Нет, не читала.

-- Вот то-то и оно! Так нечего и говорить!

А что "нечего и говорить", я, признаться, и сам не знаю, потому что в последних фельетонах -- ты прости, голубчик, за резкость -- просто писал, что большевики -- жулики, убийцы и маровихеры...

Очевидно, тов. Хайкина не поняла меня, а я её не разубеждал.

Ну вот, братец ты мой -- так я и жил.

Выезжая из Унечи, я потребовал себе конвой, потому что надо было переезжать нейтральную зону, но это была самая странная нейтральная зона, которую мне только приходилось видеть в жизни. потому что по одну сторону нейтральной зоны грабили только большевики, по другую только немцы, а в нейтральной зоне грабили и большевики, и немцы, и украинцы, и все вообще, кому не лень.

Бог её знает, почему она называлась нейтральной, эта зона.

Большое тебе спасибо, голубчик Володя, за конвой -- если эту твою Хайкину ещё не убили, награди её орденом Красного Знамени за мой счёт...

Много, много, дружище Вольдемар, за эти два года воды утекло... Я на тебя не сержусь, но ты гонял меня по всей россии, как солёного зайца: из Киева в Харьков, из Харькова -- в Ростов, потом Екатеринодар, Новороссийск, Севастополь,

Мелитополь, опять... Севастополь.

Это письмо я пишу тебе из Константинополя, куда прибыл по своим личным делам.

Впрочем, что же это я о себе, да о себе... Поговорим и о тебе...

Ты за это время сделался большим человеком... Эка, куда хватил: неограниченный властитель всея России... Даже отсюда вижу твои плутоватые глазёнки, даже отсюда слышу твоё возражение:

-- Не я властитель, а ЦИК.

Ну, это, Володя, даже не по-приятельски. Брось ломаться -- я ведь знаю, что тебе стоит только цикнуть и весь твой ЦИК полезет под стол и сделает всё, что ты хочешь.

А ловко ты, шельмец, устроился -- уверяю тебя, что даже при царе государственная дума была в тысячу раз самостоятельнее и независимее. Согнул ты "рабоче -крестьянскую", можно сказать, в бараний рог.

Как настроение?

Ты знаешь, я часто думаю о тебе и должен сказать, что за последнее время совершенно перестал понимать тебя.

На кой чёрт тебе вся эта музыка? В то время, когда ты кричал до хрипоты с балкона -- тебе, отчасти, и кушать хотелось, отчасти и мир, по молодости лет, собирался перестроить.

А теперь? Наелся ты досыта, а мира всё равно не перестроил.

Доходят до меня слухи, что живётся у вас там в России, перестроенной по твоему плану -- препротивно.

Никто у тебя не работает, все голодают, мрут, а ты, Володя, слышал я, так запутался, что у тебя и частная собственность начинает всплывать, и свободная торговля, и концессии.

Стоит огород городить, действительно!

Впрочем, дело даже не в том, а я боюсь, что ты просто скучаешь.

Я сам, знаешь ли, не прочь повластвовать, но власть хороша, когда кругом довольство, сияющие рожи и этакие хорошенькие бабёночки, вроде мадам Монтеспан при Людовике.

А какой ты к чёрту Людовик, прости за откровенность!

Окружил себя всякой дрянью, вроде башкир, китайцев -- и нос боишься высунуть из Кремля. Это, брат, не власть. Даже Николай II частенько раньше показывался перед народом и ему кричали "ура", а тебе что кричат?

-- Жулики вы, -- кричат тебе и Троцкому, -- "Чтобы вы подошли, коммунисты.

Ну, чего хорошего?

Я ещё понимаю, если бы рождён был королём -- ну, тогда ничего не поделаешь: профессия обязывает. Тогда сиди на башне -- и сочиняй законы для подданных.

А ведь ты -- я знаю тебя по Швейцарии -- ты без кафе, без "бока", без табачного дыма, плавающего под потолком -- жить не мог.

Небось, хочется иногда снова посидеть в биргалле, поорать о политике, затануться хорошим киастером -- да где уж там!

И из Кремля нельзя выйти, да и пивные ты все, неведомо на кой дьявол, позакрывал декретом # 215523.

Неуютно ты, брат, живёшь, по собачьему. русский ты столбовой дворянин, а с башкирами всё якшаешься, с китайцами. и друга себе нашёл -- Троцкого -- совсем он тебе не пара. Я, конечно, Володя, не хочу сплетничать, но знаю, что он тебя

подбивает на всякие глупости, а ты слушаешь.

Если хочешь иметь мой дружеский совет -- выгони Троцкого, распусти этот идиотский ЦИК и издай свой последний декрет к русскому народу, что вот, дескать, ты ошибся, за что и приносишь извинения, что ты думал насадить социализм и коммунизм, но что это для отсталой России "не по носу табак", так что ты приказываешь народу вернуться к старому, буржуазно-капиталистическому строю жизни, а сам уезжаешь отдыхать на курорт.

Просто и мило!

Ей богу, плюнь ты на это дело, ведь сам видишь, что получилось: дрянь, грязь и безобразия.

Не нужно ли денег? Лир пять, десять могу сколотить, вышлю.

Хочешь -- приезжай ко мне, у меня отдохнешь, подлечишься, а там мы с тобой вместе какую-нибудь другую штуковину придумаем -- поумней твоего марксизма.

Ну, прощай, брат, кланяйся там!

Поцелуй Троцкого, если не противно.

Где летом -- на даче?

Неужели в Кремле?

С коммунистическим приветом

А р к а д и й А в е р ч е н к о.

P. S. Если вздумаешь черкнуть два слова, пиши: Париж, Елисейский дворец, Мильерану для Аверченко.

Тарту, 2. 4. 1990, "Alma mater"

Аркадий Аверченко

Самоновейшие воспоминания о Чехове

II. Писатель Деревянкин в гостях у Чехова.

— Скажите, Антон Петрович сейчас дома? Павлович? Почему же Павлович? Отца Павлом звали? Ну, это еще не доказательство.

Вы говорите, нет дома? А чей же это профиль я вижу там, над письменным столом? Стыдно врать, девушка. Такая молодая и уже врешь. Скажу твоему барину, он тебя и прогонит

Что? Нет, я прямо к нему в кабинет пройду. Что? Ничего... Как писатель к писателю. Это в нашей среде допускается.

— Здравствуйте, коллега. Что? Конечно, коллега. Вы пишете и я пишу. Помешал? Пишете? Ну, ничего. Отдохнете. Вам же и полезно — вон все говорят, что у вас чахотка. Молоко нужно пить, капусту есть, сало, гулять больше. А работа не уйдет. Посидим, поболтаем... Ну, расскажите что-нибудь о себе... Голова болит? Это от работы.

Хотя, ведь, эти штучки, что вы пишете, они не должны утомлять. Чик-чик, и готово! Вот Достоевский писал, это я понимаю. Не вертопрах был. Сто печатных листов, полтора года.

Послушайте, Антоша... (вы позволите мне вас так называть?) Почему бы вам не написать большую вещь какую-нибудь... Роман, что ли. А то так — что же...

Ведь, физиономии не видно! Пишет, пишет человек а физиономии и нет.

Конечно, я понимаю, рассказ писать легче, чем роман. Но, милый мой! Нужно же идти вперед.

Да! Был со мной вчера случай — совсем тема для вашего рассказа. Вы эти штуки хорошо делаете. Вот — изобразите: еду я вчера на извозчике, вдруг ветер шляпу с

головы — хлоп! А на земле лужи после дождя. Шляпа прямо в лужу. Я погнался за шляпой, да ногой в лужу — хлоп! В это время одна барыня и проходи мимо. Я ее грязью из лужи — хлоп! Все платье! Ахнула она, схватилась за голову и выпустила из рук веревочку, на которой вела собаку!.. Собака удирать, барыня орет, я чищу шляпу — шум, гам. У вас это хорошо выйдет.

Что? Почему нельзя курить? Не переносите? Ах, да... Простите. И забыл совсем, что туберкуленок не любит дыму. Ну, сейчас брошу. Докурю и брошу. Что? Жалко же так бросать.

Чуть не забыл! Просьба у меня к вам. Подарите мне свою карточку с надписью. А я вам свою. Я, впрочем, уж приготовил: «Певцу сумерек от певца яркого солнечного света и красивой жизни, Чехову — Деревянкин». Вы замечаете эпическую простоту последних слов.

Кто такой Чехов? Не нужно объяснять — все знают. Кто такой Деревянкин? Не нужно объяснять — все знают.

А вы напишите так на карточки: «Певцу яркого солнечного света и красивой жизни — от певца сумерек. Деревянкину — Чехов». Понимаете? Наоборот.

Неудобно? Почему неудобно? Странно... Если я сделал такую подпись, почему же вам неудобно? Что? Как же вы не певец сумерек? Вас так и критика называет. Пишите, пишите. Вот вам перо.

Что это вы виски трете? Голова болит? Я вам надоел, наверно, своей болтовней? Нет? Ну, спасибо. Что? Посидеть еще пять минут? Посижу, посижу.

Ну, что бы вам еще такое рассказать? Кстати! Тема у меня есть для вас... я вам дам только канву, а уж вы там... размажете пофигуристее. У моего знакомого Булкина есть две дочки... И появляется на горизонте молодой человек Островерхов! Понимаете? Ну, влюбляются... А Островерхов в это время к какой-то вдове-купчихе стал захаживать... Но та на него — нуль внимания, пуд презрения — спит и видит, как бы ей познакомиться с баритоном Драбантовым. И чем же, вы думаете, это кончилось, — обобрал ее Драбантов и бросил! Каково? Вот вам и сумерки русской жизни. Как раз для вас... Вы уж эту коллизию распутайте сами. Что? Ах, я и за был, что нельзя курит... Совершенно машинально. Что? Где плакат? Ах, да, да. «Просят не курить». Ну, не буду. Докурю и брошу.

А анафемская эта штука — туберкулез. У нас один учитель чистописания... Куда же вы? Послушайте!..

Ушел... Вот оригинал-то. Вечные причуды у этих «имен». Слушай, Глаша! Как? Катя? Все равно. Послушай, Кэтти, куда это убежал твой барин? Это, знаешь ли, не совсем гостеприим... Наверх? А что там у него наверху? Просто комната? Ага... Ну, тогда, значит, можно. Пойдем в просто комнату...

— Антонеско! Здесь вы? Ишь ты куда забрался... Что это вы удрали так сразу? Ну, да ничего, ничего. Какие там между коллегами церемонии... Вы полежите, а я около вас посижу... Поболтаем... Скажите, что такое вышло с вашей «Чайкой?» Говорят, презестоко провалилась... Что? Почему не приятно вспоминать? Наплюйте! Вон, когда у меня провалились в Останкине «Зовы женского сердца» — что-ж, я страдал или нет? Нет! Пошел после спектакля и так нализался с комиком Горшок-Ухватовым, что до сих пор на шее два шрама... Водевиль мой: «Ах, ах, Матреша, что же это такое?» — так освистали, что до сих пор в ушах шум... Нет, пьесы это — чепуха! Нужно роман писать...

Что? Голова болит? Я вам еще не надоел своей болтовней? А? Что? Почему же вы молчите? Послушайте! Я спрашиваю; а вам еще не надоел своей болтовней? Нет? Ну ладно. Посидеть еще две минуты, вы говорите? Ну, посижу.

Ах, да! Еще одна тема у меня для вас есть... Что? И тут нельзя курить? Почему? Тут же нет плаката! Ну, извините. Не знал. Не буду. Докурю и брошу.

Куда же вы? Антон Павлыч! Антонелли! Антонио!.. Ушел... Вот непоседа!

Послушай, Миликтриса Кирбитьевна! Где барин твой? В сарай пошел? Зачем? Просто так? А где этот сарай? Ага! Спасибо.

— Послушайте, вы, чудачина... Что вы тут в сарае делаете? Сыро тут, а у вас чахотка... Вот оригинал: сидит на дровах и молчит. Подвиньтесь-ка...

— О чем я, бишь, начал тогда? Ах, да! Тема для вас есть. Как раз в вашем духе...

Мне теща рассказывала. Побились об заклад два мужика в нашем городе, что один из них выпьет сорок бутылок пива. Начал... Пьет он десятую бутылку, пятнадцатую, шестнадцатую... Все сорок выпил и пошел, как ни в чем не бывало. Это вам, батенька, не сумерки!..

— Что это вы? Заснули? Послушайте... А зачем же лицо руками закрывать...

Плачет! Вот чудак... С чего это вы! Ведь мужик же не умер, а пошел себе, как ни в чем не бывало по своим делам... Вот чувствительная душа-то! Плачет... Ну, успокойтесь Антонио, Антонаки! Хотите папиросочку? Не курите? Слушайте... Я вам не надоел, а? Вы скажите... Если надоел, я уйду.

Молчит... Вот чудак-то! Антуан! Чего же вы молчите? Я спрашиваю — надоел я вам? А? Оригиналы! Как я его своим мужиком расстроил... Молчит, а слезы по лицу текут...

— Антонеско! Куда ж вы! Господи! Опять ушел... Прямо даже обидно.

— Повар, послушайте... Эй, как тебя... Красная рубаха! Вы не повар? А кто же вы? Кучер? Ну, на вас не написано, что вы кучер. Скажите, кучер, в какую сторону пошел Антон Павлыч?

На конюшню?.. Что только этот человек может выкинуть! Где его там найти, кучер? А у вас лошади не кусаются? То-то. Где же твой барин? Его здесь нет. В стойлах погляди! Нет? А тут? За мешками? Нет?

Наверху у вас что? Сеновал? А где же лестница? Ну, конечно, он там, наверху... Вон и конец лестницы торчит. С собой втащил. Принеси другую!

— Антоша! Ты здесь? Ишь ты, шельмец... Забрался и молчит. Где ты тут? Ишь ты, как в сено зарылся...

Опять плачет! Что с ним такое? Ну, успокойся, Антонадзе! Неужели тебя история с дочками Булкина так расстроила? Ишь, заливаешься! Что это в самом деле, у тебя за сумеречное настроение?.. Пойдем отсюда, милый... Тут не хорошо, сыро, холодно... Я тебя уложу дома в постель, попою чем-нибудь, посижу около тебя. Ну, пойдем! Эй, Никита. Принимай снизу барина... Лови — бросаю! Гоп!

II. Певец сумерек.

(Воспоминания друга покойного — Егудиила Деревянкина).

Десять лет...

Десять лет прошло со дня смерти певца сумерек, а он будто сейчас живой стоит перед нами. С покойным писателем я был хорошо знаком. Правда, таланты у нас были разного характера: я — весь в солнце, в красивой яркой жизни, Чехов — умеренный, бледный, весь в блеклых полутонах...

Эта антитеза запечатлена даже самим Чеховым в надписи к его портрету, подаренному мне в одну из наших долгих бесед с покойником. Вот эта надпись:

«Певцу яркого солнечного света и красивой жизни от певца — сумерек. Деревянкину — Чехов».

Как сейчас помню тот светлый для меня день когда я получил этот портрет...

Писатель работал: писал какой-то новый рассказ, но, узнав, что я приехал, моментально отложил работу.

Он очень любил такие неожиданные наезды друзей.

Бывало, сидит и слушает приятеля с каким-то загадочным выражением лица.

И серьезный же был человек — редко услышишь его смех; все больше мрачное настроение... Да оно и не удивительно: страшная болезнь подтачивала организм великого певца сумерек, о чем он знал из слов близких ему людей.

Особенно запомнилось мне одно посещение... Именно то, когда я получил от Чехова портрет с такой я ценной для меня надписью.

Я долго тогда просидел у него... Писатель был в каком-то угнетенном состоянии духа, но долго не отпускал меня, и когда я собирался уходить, — все упрашивал: «Посидите еще пять минуточек». Однако вместо пяти минуточек мы провели в задушевной беседе несколько часов.

Тут же, помню, я дал ему сюжет его знаменитого «Дама с собачкой»...

Маленькая подробность, на стене висел двусмысленно составленный плакат: «Просят не курить».

Я говорю «двусмысленно составленный», потому что все-таки было не ясно: можно в конце концов курить, или нет?

Поэтому, я несколько раз вынимал папиросу, но Чехов всегда в шуточной форме указывал на плакат, и я поспешно бросал окурочек.

Мы долго потом смеялись над моей рассеянностью.

Вообще, в пылу разговора Чехов совершенно забывал, где он и что с ним.

Он был способен в задушевной беседе повести собеседника на мезонин, потащить его в сарай и даже очутиться в конце концов на сеновале, как это и было однажды...

И вот — милая чеховская шутовость: на сеновале он вдруг, среди разговора, так зарылся в сено, что я насилу его нашел.

И так он мог шутить среди тяжелого «нудного», как он любил говорить, настроения, среди приступов жесточайшего кашля.

В это посещение я прожил у дорогого друга три дня, из которых большую часть провел у его постели (он тогда занемог и слег)...

И эта шутка с сеном была его лебединой песней. При моих последующих посещениях он уже не шутил, а угрюмо молчал, еле отвечая на вопросы...

Болезнь делала свое дело...

И, вообще, я нахожу все слова о его жизнерадостности сильно преувеличенными. Я иногда по целым неделям не расставался с ним, и уж изучить-то характер покойного певца русских сумерек мог основательно...

Спи, дорогой друг... Там — свидимся.

Аркадий Аверченко

Резная работа

Недавно один петроградский профессор - забыл после операции в прямой кишке больного В. трубку (дренаж) в пол-аршина длиной. В операционной кипит работа.

- Зашивайте, - командует профессор. - А где ланцет? Только сейчас тут был.
- Не знаю. Нет ли под столом?
- Нет. Послушайте, не остался ли он там?..
- Где?

- Да там же. Где всегда.
- Ну где же?!!
- Да в полости желудка.
- Здравствуйте! Больного уже зашили, так он тогда только вспомнил. О чем вы раньше думали?!

- Придется расшить.
- Только нам и дела, что зашивать да расшивать. Впереди еще шесть операций. Несите его.

- А ланцет-то?
- Бог с ним, новый купим. Он недорогой.
- Я не к тому. Я к тому, что в желудке остался.
- Рассосется. Следующего! Первый раз оперируетесь, больная?
- Нет, господин профессор, я раньше у Дубинина оперировалась.
- Ага!.. Ложитесь. Накладывайте ей маску. Считайте! Ну? Держите тут, растягивайте. Что за странность! Прощупайте-ка, коллега... Странное затвердение. А ну-ка... Ну вот! Так я и думал... Пенсне! Оригинал этот Дубинин. отошлите ему, скажите - нашлось.

- А жаль, что не ланцет. Мы бы им вместо пропавшего воспользовались...
Зашивайте!

- А где марля? Я катушки что-то не вижу. Куда она закатилась?
- Куда, куда! Старая история. И что это у вас за мания - оставлять у больных внутри всякую дрянь.
- Хорошая дрянь! Марля, батенька, денег стоит.
- Расшивать?
- Ну, из-за катушки... стоит ли?
- А к тому, что марля... в животе...
- Рассосется. Я один раз губку в желудок зашил, и то ничего.
- Рассосалась?
- Нет, но оперированный горчайшим пьяницей сделался.
- Да что вы!
- Натурально! Выпивал он потом, представьте, целую бутылку водки - и ничего. Все губка впитывала. Но как только живот поясом потуже стянет - так сразу как сапожник пьян.

- Чудеса!
- Чудесного ничего. Научный факт. В гостях, где выпивка была бесплатная, он выпивал невероятное количество водки и вина и уходил домой совершенно трезвый. Потом, дома уже - потрет руки, скажет: "Ну-ка, рюмочку выпить, что ли!" И даванет себя кулаком в живот. Рюмку из губки выдавит, закусит огурцом, походит - опять: "Ну-ка, говорит, давнем еще рюмочку!.." Через час - лыка не вяжет. Так пил по мере надобности... Совсем как верблюды в пустыне.

- Любопытная исто... Что вы делаете? Что вы только делаете, поглядите!!!.. Ведь ему гланды нужно вырезать, а вы живот разрезали!!
- Гм... да... Заговорился. Ну все равно, раз разрезал - поглядим: нет ли там чего?..
- Нет?
- Ничего нет. Странно.
- Рассосалось.
- Зашивайте. Ффу! Устал. Закурить, что ли... Где мой портсигар?
- Да тут он был; недавно только держали. Куда он закатился?

- Неужто портсигар зашили?
- Оказия. Что же теперь делать?
- Что, что! Курить смерть как хочется. И потом, вещь серебряная. Расшивайте скорей, пока не рассосался!
- Есть?
- Нет. Пусто, как в кармане банкрота.
- Значит, у кого-нибудь другого зашили. Все оперированные здесь?
- Неужели всех и распарывать?
- Много ли их там - шесть человек! Порите.

- Всех перепороли?
- Всех.
- Странно. А вот тот молодой человек, что в двери выглядывает? Этого, кажется, пропустили. Эй, вы - как вас? - ложитесь!
- Да я...
- Нечего там - не "да я"... Ложитесь. Маску ему. Считайте.
- Да я...
- Нажимайте маску крепче. Так. Где нож? Спасибо.
- Ну? Есть?
- Нет. Ума не приложу, куда портсигар закатился. Ну, очнулись, молодой человек?
- Да я...
- Что "вы", что "вы"?! Говорите скорей, некогда...
- Да я не за операцией пришел, а от вашей супруги... Со счетом из башмачного магазина.
- Что же вы лезете сюда? Только время отнимаете! Где же счет? Ложитесь, мы его сейчас извлечем.
- Что вы! Он у меня в кармане...
- Разрезывайте карман! Накладывайте на брюки маску...
- Господин профессор, опомнитесь!.. У меня счет и так вынимается из кармана. Вот, извольте.
- Ага! Извлекли? Зашивайте ему карман.
- Да я...
- Следующий! - бодро кричит профессор. - Очистите стол. Это что тут такое валяется?
- Где?
- Да вот тут, на столе.
- Гм! Чей-то сальник. Откуда он?
- Не знаю.
- Сергей Викторович, не ваш?
- Да почему же мой?! - огрызается ассистент. - Не меня же вы оперировали. Наверное, того больного, у которого камни извлекали.
- Ах ты ж, господи, - вот наказание! Верните его, скажите, пусть захватит.
- Молодой человек! Сальничек обронули...
- Это разве мой?
- Больше ничей, как ваш.
- Так что же я с ним буду делать? Не в руках же его носить... Вы вставьте его обратно!
- Эх, вот возня с этим народом! Ну, ложитесь. Вы уже поролись?

- Нет, я только зашивался.
- Я у вас не забыл своего портсигара?
- Ей-богу, в глаза не видал... Зачем мне...
- Ну, что-то у вас глаза подозрительно бегают. Ложитесь! Маску! Считайте! Нажимайте! Растягивайте!
- Есть?
- Что-то такое нащупывается... Какое-то инородное тело. Дайте нож!
- Ну?
- Пойдите... Что это? Нет, это не портсигар.
- Бумажка какая-то... Странно... Э, черт! Видите?
- Ломбардная квитанция!
- Ну конечно: "Подержанный серебряный портсигар с золотыми инициалами М. К." Мой! Вот он куда закатился! Вот тебе и закатился...
- Хе-хе, вот тебе и рассосался.
- Оборотистый молодой человек!
- Одессит, не иначе.
- Вставьте ему его паршивый сальник и гоните вон. Больных больше нет?
- Нет.
- Сюртук мне! Ж-живо! Подайте сюртук.
- Ваш подать?
- А то чей же?
- Тут нет никакого сюртука.
- Чепуха! Тут же был.
- Нет!.. Неужели?..
- Черт возьми, какой неудачный день! Опять сызнова всех больных пороть придется. Скорее, пока не рассосался! Где фельдшерица?
- Нет ее...
- Только что была тут!
- Не зашили ли давеча ее в одессита?!
- Неужели рассосалась?..
- Ну и денек!..

Аркадий Аверченко

Грабитель

I

С переулка, около садовой калитки, через наш забор на меня смотрело молодое, розовое лицо - черные глаза не мигали, и усики забавно шевелились.

Я спросил:

- Чего тебе надо?

Он ухмыльнулся:

- Собственно говоря - ничего.

- Это наш сад, - деликатно намекнул я.

- Ты, значит, здешний, мальчик?

- Да. А то какой же?

- Ну, как твое здоровье? Как поживаешь?

Ничем не мог так польстить мне незнакомец, как этими вопросами. Я сразу почувствовал себя взрослым, с которым ведут серьезный разговор.

- Благодарю вас, - солидно сказал я, роя ногой песок садовой дорожки. - Поясницу что-то поламывает. К дождю, что ли!..

Это вышло шикарно. Совсем как у тетки.

- Здорово, брат! Теперь ты мне скажи вот что: у тебя, кажется, должна быть сестра?

- А ты откуда знаешь?

- Ну, как же... у всякого порядочного мальчика должна быть сестра.

- А у Мотьки Нароновича нет! - возразил я.

- Так Мотька разве порядочный мальчик? - ловко отпарировал незнакомец. - Ты гораздо лучше.

Я не остался в долгу:

- У тебя красивая шляпа.

- Ага! Клюнуло!

- Что ты говоришь?

- Я говорю: можешь ты представить себе человека, который спрыгнул бы с этой высоченной стены в сад?

- Ну, это, брат, невозможно.

- Так знай же, о юноша, что я берусь это сделать. Смотри-ка!

Если бы незнакомец не перенес вопроса в область чистого спорта, к которому я всегда чувствовал род болезненной страсти, я, может быть, протестовал бы против такого бесцеремонного вторжения в наш сад.

Но спорт - это святое дело.

- Гоп! - И молодой человек, вскочив на верхушку стены, как птица спорхнул ко мне с пятиаршинной высоты.

Это было так недостижимо для меня, что я даже не завидовал.

- Ну, здравствуй, отроче. А что поделывает твоя сестра? Ее, кажется, Лизой зовут?

- Откуда ты знаешь?

- По твоим глазам вижу.

Это меня поразило. Я плотно зажмурил глаза и сказал:

- А теперь?

Эксперимент удался, потому что незнакомец, повертевшись бесплодно, сознался:

- Теперь не вижу. Раз глаза закрыты, сам, брат, понимаешь. Ты во что тут играешь, в саду-то?

- В саду-то? В домик.

- Ну? Вот-то ловко! Покажи-ка мне твой домик.

Я доверчиво повел прыткого молодого человека к своему сооружению из нянькиных платков, камышовой палки и нескольких досок, но вдруг какой-то внутренний толчок остановил меня...

"О, Господи, - подумал я. - А вдруг это какой-нибудь вор, который задумал ограбить мой домик, утащить все то, что было скоплено таким трудом и лишениями: живая черепаха в коробочке, ручка от зонтика в виде собачьей головы, баночка с вареньем, камышовая палка и бумажный складной фонарик".

- А зачем тебе? - угрюмо спросил я. - Я лучше пойду спрошу у мамы, можно ли тебе показать?

Он быстро, с некоторым испугом схватил меня за руку.

- Ну, не надо, не надо, не надо! Не уходи от меня... Лучше не показывай своего домика, только не ходи к маме.

- Почему?

- Мне без тебя будет скучно.

- Ты, значит, ко мне пришел?

- Конечно! Вот-то чудак! И ты еще сомневался... Сестра Лиза дома сейчас?

- Дома. А что?
- Ничего, ничего. Это что за стена? Ваш дом?
- Да... Вот то окно - папина кабинета.
- Пойдем-ка подальше, посидим на скамеечке.
- Да я не хочу. Что мы там будем делать?
- Я тебе что-нибудь расскажу...
- Ты загадки умеешь?
- Сколько угодно! Такие загадки, что ты ахнешь.
- Трудные!
- Да уж такие, что даже Лиза не отгадает. У нее сейчас никого нет?
- Никого. А вот отгадай ты загадку, - предложил я, ведя его за руку в укромный уголок сада. - "В одном бочонке два пива - желтое и белое". Что это такое?
- Гм! - задумчиво сказал молодой человек. - Вот так штука! Не яйцо ли это будет?
- Яйцо...

На моем лице он ясно увидел недовольство, разочарование: я не привык, чтобы мои загадки так легко разгадывались.

- Ну, ничего, - успокоил меня незнакомец. - Загадай-ка мне еще загадку, авось я и не отгадаю.

- Ну, вот отгадай: "Семьдесят одежек и все без застежек".

Он наморщил лоб и погрузился в задумчивость.

- Шуба?

- Нет-с, не шуба-с!..

- Собака?

- Почему собака? - удивился я его бестолковости.

- Где же это у собаки семьдесят одежек?

- Ну, если ее, - смущенно сказал молодой человек, - в семьдесят шкур зашьют.

- Для чего? - безжалостно улыбаясь, допрашивал я.

- Ну, мало ли... Если, скажем, хозяин чудака.

- Нет, это ты, брат, не отгадал!

II

После этого он понес совершеннейшую чушь, которая доставила мне глубокое удовольствие:

- Велосипед? Море? Зонтик? Дождик?

- Эх, ты! - снисходительно сказал я. - Это кочан капусты.

- А ведь в самом деле! - восторженно крикнул молодой человек. - Это замечательно!

И как это я раньше не догадался. А я-то думаю: море? Нет, не море... Зонтик? Нет, не похоже. Вот-то продувной братец у Лизы! Кстати, она сейчас в своей комнате, да?

- В своей.

- Одна?

- Одна. Ну, что ж ты... Загадку-то!

- Ага! Загадку? Гм... Какую же, братец, тебе загадку? Разве эту: "Два конца, два кольца, а посередине гвоздик".

Я с сожалением оглядел моего собеседника: загадка была пошлейшая, элементарнейшая, затасканная и избитая.

Но внутренняя деликатность подсказала мне не отгадывать ее сразу.

- Что же это такое? - задумчиво промолвил я. - Вешалка?

- Какая же вешалка, если посередине гвоздик? - вяло возразил он, думая о чем-то другом.

- Ну, ее же прибили к стене, чтобы держалась.

- А два конца, где они?

- Костыли? - лукаво спросил я и вдруг крикнул с невыносимой гордостью: - Ножницы!!..

- Вот, черт возьми! Догадался-таки! Ну и ловкач же ты! А сестра Лиза отгадала бы эту загадку?

- Я думаю, отгадала бы. Она очень умная.

- И красивая, добавь. Кстати, у нее есть какие-нибудь знакомые?

- Есть. Эльза Либкнехт, Милочка Одинцова, Надя...

- Нет, а мужчины-то. Есть?

- Есть. Один тут к нам ходит.

- Зачем же он ходит?

- Он?

В задумчивости я опустил голову, и взгляд мой упал на щегольские лакированные ботинки незнакомца. Я пришел в восхищение:

- Сколько стоят?

- Пятнадцать рублей. Зачем же он ходит, а? Что ему нужно?

- Он, кажется, замуж хочет, за Лизу. Ему уже пора, он старый. А эти банты - завязываются или так уже куплены?

- Завязываются. Ну, а Лиза хочет за него замуж?

- Согни-ка ногу... Почему они не скрипят? Значит, не новые, - критически сказал я. - У кучера Матвея были новые, так небось скрипели. Ты бы их смазал чем-нибудь.

- Хорошо, смажу. Ты мне скажи, оторче, а Лизе хочется за него замуж?

Я вздернул плечами.

- А то как же! Конечно, хочется.

Он взял себя за голову и откинулся на спинку скамьи.

- Ты чего?

- Голова болит.

Болезни - была единственная тема, на которую я мог говорить солидно.

- Ничего... Не с головой жить, а с добрыми людьми.

Это нянькино изречение пришлось ему, очевидно, по вкусу.

- Пожалуй, ты прав, глубокомысленный юноша. Так ты утверждаешь, что Лиза хочет за него замуж?

Я удивился:

- А как же иначе?! Как же тут не хотеть? Ты разве не видел никогда свадьбы?

- А что?

- Да ведь, будь я женщиной, я бы каждый день женился: на груди белые цветочки, банты, музыка играет, все кричат ура, на столе икры стоит вот такая коробка, и никто на тебя не кричит, если ты много съел. Я, брат, бывал на этих свадьбах.

- Так ты полагаешь, - задумчиво произнес незнакомец, - что она именно поэтому хочет за него замуж?

- А то почему же!.. В церковь едут в карете, да у каждого кучера на руке бант повязан. Подумай-ка! Жду - не дождусь, когда эта свадьба начнется.

- Я знал мальчиков, - небрежно сказал незнакомец, - до того ловких, что они могли до самого дома на одной ноге доскакать...

Он затронул слабейшую из моих струн.

- Я тоже могу!
- Ну что ты говоришь! Это неслыханно! Неужели доскачешь?
- Ей-Богу! Хочешь?
- И по лестнице наверх?
- И по лестнице.
- И до комнаты Лизы?
- Там уж легко. Шагов двадцать.
- Интересно было бы мне на это посмотреть... Только вдруг ты меня надуешь?.. Как я проверю? Разве вот что... Я дам тебе кусочек бумажки, а ты и доскачи с ним до комнаты Лизы. Отдай ей бумажку, а она пусть черкнет на ней карандашом, хорошо ли ты доскачал!

- Здорово! - восторженно крикнул я. - Вот увидишь - доскачу. Давай бумажку!

Он написал несколько слов на листке из записной книжки и передал мне.

- Ну, с Богом. Только если кого-нибудь другого встретишь, бумажки не показывай - все равно тогда не поверю.

- Учи еще! - презрительно сказал я. - Гляди-ка!

По дороге до комнаты сестры, между двумя гигантскими прыжками на одной ноге, в голову мою забралась предательская мысль: что, если он нарочно придумал этот спорт, чтобы отослать меня и, пользуясь случаем, обокрасть мой домик? Но я сейчас же отогнал эту мысль. Был я мал, доверчив и не думал, что люди так подлы. Они кажутся серьезными, добрыми, но чуть где запахнет камышовой тростью, нянькиным платком или сигарной коробкой - эти люди превращаются в бессовестных грабителей.

Лиза прочла записку, внимательно посмотрела на меня и сказала:

- Скажи этому господину, что я ничего писать не буду, а сама к нему пойду.

- А ты скажешь, что я доскачал на одной ноге? И заметь - все время на левой.

- Скажу, скажу. Ну, беги, глупыш, обратно.

Когда я вернулся, незнакомец не особенно спорил насчет отсутствия письменного доказательства.

- Ну, подождем, - сказал он. - Кстати, как тебя зовут?

- Ильюшей. А тебя!

- Моя фамилия, братец ты мой, Пронин.

Я ахнул:

- Ты... Пронин? Нищий?

В моей голове сидело весьма прочное представление о наружном виде нищего: под рукой костыль, на единственной ноге обвязанная тряпкой галоша и за плечами грязная сумка, с бесформенными кусками сухого хлеба.

- Нищий? - изумился Пронин. - Какой нищий?

- Мама недавно говорила Лизе, что Пронин - нищий.

- Она это говорила? - усмехнулся Пронин. - Она это, вероятно, о ком-нибудь другом.

- Конечно! - успокоился я, поглаживая рукой его лакированный ботинок. - У тебя брат-то какой-нибудь есть, нищий?

- Брат? Вообще брат есть.

- То-то мама и говорила: много, говорит, ихнего брата, нищих, тут ходит. У тебя много ихнего брата?..

Он не успел ответить на этот вопрос... Кусты зашевелились, и между листьями показалось бледное лицо сестры.

Пронин кивнул ей головой и сказал:

- Знавал я одного мальчишку - что это был за пролаза - даже удивительно! Он мог, например, в такой темноте, как теперь, отыскать в сирени пятерки, да как! Штук до десяти. Теперь уж, пожалуй, и нет таких мальчиков...

- Да я могу тебе найти хоть сейчас сколько угодно. Даже двадцать!

- Двадцать? - воскликнул этот простак, широко раскрывая изумленные глаза. - Ну, это, милый мой, что-то невероятное...

- Хочешь, найду?

- Нет! Я не могу даже поверить. Двадцать пятерок... Ну, - с сомнением покачал он головой, - пойдешь поищи... Посмотрим, посмотрим. А мы тут с сестрой тебя подождем...

Не прошло и часа, как я блестяще исполнил свое предприятие. Двадцать пятерок были зажаты в кулак. Отыскав в темноте Пронина, о чем-то горячо рассуждавшего с сестрой, я, сверкая глазами, сказал:

- Ну! Не двадцать? На-ка, пересчитай!

Дурак я был, что искал ровно двадцать. Легко мог бы его надуть, потому что он даже не потрудился пересчитать мои пятерки.

- Ну и ловкач же ты, - сказал он изумленно. - Прямо-таки огонь. Такой мальчишка способен даже отыскать и притащить к стене садовую лестницу.

- Большая важность! - презрительно засмеялся я. - Только идти не хочется.

- Ну, не надо. Тот мальчишка, впрочем, был попрытчей тебя. Пребойкий мальчик. Он таскал лестницу, не держа ее руками, а просто зацепивши перекладиной за плечи.

- Я тоже смогу, - быстро сказал я. - Хочешь?

- Нет, это невероятно! К самой стене!..

- Подумаешь - трудность!

Решительно в деле с лестницей я поставил рекорд: тот, пронинский, мальчишка только тащил ее грудью, а я при этом еще, в виде премии, прыгал на одной ноге и гудел, как пароход.

Пронинский мальчишка был посрамлен.

- Ну, хорошо, - сказал Пронин. - Ты удивительный мальчик. Однако мне старые люди говорили, что в сирени тройки находить труднее, чем пятерки...

О, глупец! Он даже и не подозревал, что тройки попадаются в сирени гораздо чаще, чем пятерки! Я благоразумно скрыл от него это обстоятельство и сказал с деланным равнодушием:

- Конечно, труднее. А только я могу и троек достать двадцать штук. Эх, что там говорить! Тридцать штук достану!

- Нет, этот мальчик сведет меня в могилу от удивления. Ты это сделаешь, несмотря на темноту?! О, чудо!

- Хочешь? Вот увидишь!

Я нырнул в кусты, пробрался к тому месту, где росла сирень, и углубился в благородный спорт.

Двадцать шесть троек были у меня в руке, несмотря на то что прошло всего четверть часа. Мне пришлось в голову, что Пронина легко поднадуть: показать двадцать шесть, а уверить его, что тридцать. Все равно этот простачок считать не будет.

III

Простачок... Хороший простачок! Большого негодяя я и не видел. Во-первых, когда я вернулся, он исчез вместе с сестрой. А во-вторых, когда я пришел к своему дому, я сразу раскусил все его хитрости: загадки, пятерки, тройки, похищение сестры и

прочие штуки - все это было подстроено для того, чтобы отвлечь мое внимание и обокрасть мой домик... Действительно, не успел я подскочить к лестнице, как сразу увидел, что около нее уже никого не было, а домик мой, находившийся в трех шагах, был начисто ограблен: нянькин большой платок, камышовая палка и сигарная коробка - все исчезло. Только черепаха, исторгнутая из коробки, печально и сиротливо ползала возле разбитой банки с вареньем...

Этот человек обокрал меня еще больше, чем я думал в то время, когда разглядывал остатки домика: через три дня пропавшая сестра явилась вместе с Прониным и, заплакав, призналась отцу с матерью:

- Простите меня, но я уже вышла замуж.

- За кого?!!

- За Григория Петровича Пронина.

Вдвойне это было подло: они обманули меня, надсмеялись надо мной, как над мальчишкой, да кроме того выхватили из-под самого носа музыку, карету, платки на руках кучеров и икру, которую можно было бы на свадьбе есть, сколько влезет - все равно никто не обращает внимания.

Когда эта самая жгучая обида зажила, я как-то спросил у Пронина:

- Сознайся, зачем ты приходил: украсть у меня мои вещи?

- Ей-Богу, не за этим, - засмеялся он.

- А зачем взял платок, палку, коробку и разбил банку с вареньем?

- Платком укутал Лизу, потому что она вышла в одном платье, в коробку положил разные свои мелкие вещи, палку я взял на всякий случай, если в переулке кто-нибудь меня заметит, а банку с вареньем разбил нечаянно...

- Ну ладно, - сказал я, делая рукой жест отпущения грехов. - Ну, скажи мне хоть какую-нибудь загадку...

- Загадку? Изволь, братец. Два кольца, два конца, а посередине...

- Говорил уже! Новую скажи...

- Новую?.. Гм...

Очевидно, этот человек проходил весь свой жизненный путь только с одной этой загадкой в запасе. Ничего другого у него не было... Как так живут люди - не понимаю...

- Неужели больше ты ничего не знаешь!..

И вдруг - нет! Этот человек был решительно не глуп - он обвел глазами гостиную и разразился великолепной новой, очевидно, только что им придуманной загадкой:

- Стоит корова, мычать здорова. Хватишь ее по зубам - вою не оберешься.

Это был чудеснейший экземпляр загадки, совершенно меня примирившей с хитроумным шурином. Оказалось - рояль.

Аркадий Аверченко

Детвора

Существует такая рубрика шуток и острот, которая занимает очень видное место на страницах юмористических журналов, - рубрика, без которой не обходится ни один самый маленький юмористический отдел в газете.

Рубрика эта - "наши дети".

Соль острот "наши дети" всегда в том, что вот, дескать, какие ужасные пошли нынче дети, как мир изменился и как ребята делаются постепенно невыносимыми, ставя своих родителей и знакомых в ужасное положение.

Обыкновенно остроты "наши дети" фабрикуются по одному и тому же методу:

- Бабушка, ты видела Лысую гору?

- Нет, милый.

- А как же папа говорил вчера, ты сущая ведьма?

Или:

- Володя, поцелуй маму, - говорит папа. - Поблагодари ее за обед.

- А почему, - говорит Володя, - вчера дядя Гриша целовал в будуаре маму перед обедом?

Или совсем просто:

- Дядя, ты лысый дурак?

- Что ты, Лизочка!

- Ну да, мама. Ты же сама вчера сказала папе, что дядя - лысый дурак.

Бывают сюжеты настолько затасканные, что они уже перестают быть затасканными, перестают быть "дурным тоном литературы". Таков сюжет "наши дети".

Поэтому я и хочу рассказать сейчас историю о "наших детях".

От праздничных расходов, от покупок разных гусей, сапог, сардин, нового самовара, икры и браслетки для жены у чиновника Плешихина осталось немного денег.

Он остановился у витрины игрушечного магазина и, разглядывая игрушки, подумал: "Куплю-ка я что-нибудь особенное своему Ваньке. Этакое что-нибудь с заводом и пружиной!"

Зашел в магазин.

- Дайте что-нибудь этакое для мальчишки восьми-девяти лет!

Когда ему показали несколько игрушек, он пришел в восторг от искусно сделанного жокея на собаке: собака перебирала ногами, а жокей качался взад и вперед и натягивал вожжи, как живой. Долго смотрел на него Плешихин, смеялся, удивлялся и просил завести снова и снова.

Возвращаясь, ног под собой не чувствовал от радости, что напал на такую прекрасную вещь.

Дома, раздевшись и проходя мимо детской, услышал голоса. Приостановился...

- О чем они там совещаются? Мечтают, наверное, ангелочки, о сюрпризах, гадают, кому какие достанутся подарки... Обуреваемы любопытством - будет ли елка... О, золотое детство!

Разговаривали трое: Ванька, Вова и Лидочка.

- Я все-таки, - говорил Ванька, - стою за то, чтобы их не огорчать. Елку хотят устроить? Пусть! Картонажами ее увешать хотят - пусть забавляются. Но я думаю, что с нашей стороны требуется все-таки самая простая деликатность: мы должны сделать вид, что нам это нравится, что нам весело, что мы в восторге. Ну... можно даже попрыгать вокруг елки и съесть пару леденцов.

- А по-моему, просто, - сказал прямолинейный Вова, - нужно выразить настоящее отношение к этой пошлейшей елке и ко всему тому, что отдает сюсюканьем и благоглупостями наших родителей. К чему это? Раз это тоска...

- Милый мой! Ты забываешь о традиции. Тебе-то легко сказать, а отец, может быть, из-за этого целую ночь спать не будет, он с детства привык к этому, без этого ему Рождество не в Рождество. Зачем же без толку огорчать старика...

- И смешно, и противно, - усмехнулся Вова, - как это они нынче устраивали елку: заперлись в гостиной, клеют какие-то картоняжи, фонарики. Зачем? Что такое!

Когда я нарочно спросил, что там делается, тетя Нина ответила: "Там маме шьют новое платье!.." Секрет полишинеля!..

Все засмеялись.

- Братцы! - умоляюще сказал добросердечный Ванька. - Во всяком случае, ради Бога, не показывайте вида. Вы смотрите-ка, как я себя буду вести - без неумеренных восторгов, без переигрывания, но просто сделаю вид, что я умилен, что у меня блестят глазки и сердце бьется от восторга. Сделайте это и вы: порадуем стариков. Плешихин открыл дверь и вошел в детскую, сделав вид, что он ничего не слышал. - Здравствуйте, детки! Ваня, погляди-ка, какой я тебе подарочек принес! С ума сойти можно!

Он развернул бумагу и пустил в ход жокея верхом на собаке.

- Очень мило! - сказал Ваня, - захлопав в ладоши. - Как живой! Спасибо, папочка.

- Тебе это нравится?

- Конечно! Почему же бы этой игрушке мне не нравится? Сработана на диво, в замысле и механике много остроумия, выдумки. Очень, очень мило.

- Ванечка!!..

- Что такое?

- Милый мой! Ну, я тебя люблю, - ну, будь же и ты со мной откровенен... Скажи мне, как ты находишь эту игрушку и почему у тебя такой странный тон?

Ванька смущенно опустил голову.

- Видишь ли, папа... Если ты позволишь мне быть откровенным, я должен сказать тебе: ты совершенно не знаешь психологии ребенка, его вкусов и влечений (о, конечно, я не о себе говорю и не о Вове - о присутствующих не говорят). По-моему, ребенку нужна игрушка примитивная, какой-нибудь обрубок или тряпичная кукла, без носа и без глаз, потому что ребенок большой фантазер и любит иметь работу для своей фантазии, наделяя куклу всеми качествами, которые ему придут в голову; а там, где за него все уже представлено мастером, договорено механиком, - там уму его и фантазии работать не над чем. Взрослые все время упускают это из виду, и, даря детям игрушки, восхищаются ими больше сами, потому что фантазия их суше, изощреннее и может питаться только чем-то, доходящим до полной иллюзии природы, мастерской подделки под эту природу.

Понурился, молча слушал сына чиновник Плешихин.

- Так... Та-ак! И елка, значит, как ты говорил давеча, тоже традиция, которая нужнее взрослым, чем ребятам?

- Ах, ты слышал?... Ну, что же делать?... Во всяком случае, мы настолько деликатны, что ни за что не дали бы вам почувствовать тон пошлой фальши и того вашего смешного положения, которые для постороннего ума так заметны...

Чиновник Плешихин прошелся по комнате раза три, задумавшись.

Потом круто повернулся к сыну и сказал:

- Раздевайся! Сейчас сечь тебя буду.

На губах Ваньки промелькнула страдальческая гримаса.

- Пожалуйста! На твоей стороне сила - я знаю! И я понимаю, что то, что ты хочешь сделать, - нужнее и важнее не для меня, а, главным образом, для тебя. Не буду, конечно, говорить о дикости, о некультурности и скудности такого аргумента при споре, как сечение, драка... Это общее место. И если хочешь - я даже тебя понимаю и оправдываю... Ты устал, заработался, измотался, истратился, у тебя настроение подавленное, сердитое, скверное... Нужно на ком-нибудь сорвать злость - на мне или на другом - все равно! Ну что ж, раз мне выпало на долю стать объектом твоего дурного настроения - я покоряюсь и, добавлю, даже не сержусь. "Понять, - сказал философ, - значит, простить".

Старик Плешихин неожиданно вскочил со стула, махнул рукой, снял пиджак, жилет и лег на ковер.

- Что с тобой, папа? Что ты делаешь?

- Секи ты меня; что уж там! - сказал чиновник Плешихин и тихо заплакал.

Во имя правды, во имя логики, во имя любви к детям автор принужден заявить, что все рассказанное - ни более ни менее как сонное видение чиновника Плешихина...

Заснул чиновник - и пригрезилось.

И однако, сердце сжимается, когда подумаешь, что дети наших детей, шагая в уровень с веком, уже будут такими, должны быть такими - как умные детишки отсталого чиновника...

Пошли, Господь, всем нам смерть за пять минут до этого.

Аркадий Аверченко

Блины Доди

Без сомнения, у Доди было свое настоящее имя, но оно как-то стерлось, затерялось, и хотя этому парню уже шестой год - он для всех Додя, и больше ничего.

И будет так расти этот мужчина с загадочной кличкой Додя, будет расти, пока не пронюхает какая-нибудь проворная гимназисточка в черном передничке, что пятнадцатилетнего Додю на самом деле зовут иначе, что неприлично ей звать взрослого кавалера какой-то собачьей кличкой, и впервые скажет она замирающим от волнения голосом:

- Ах, зачем вы мне такое говорите, Дмитрий Михайлович?

И сладко забьется тогда сердце Доди, будто впервые шагнувшего в заманчивую остро-любопытную область жизни взрослых людей: "Дмитрий Михайлович!.." О, тогда и он докажет же ей, что он взрослый человек: он женится на ней.

- Дмитрий Михайлович, зачем вы целуете мою руку! Это нехорошо.

- О, не отталкивайте меня, Евгения (это вместо Женечки-то!) Петровна.

Однако все это в будущем. А пока Доде - шестой год, и никто, кроме матери и отца, не знает, как его зовут на самом деле: Даниил ли, Дмитрий ли или просто Василий (бывают и такие уменьшительные у нежных родителей).

* * *

Характер Доди едва-едва начинает намечаться. Но грани этого характера выступают довольно резко: он любит все приятное и с гадливостью, омерзением относится ко всему неприятному; в восторге от всего сладкого, ненавидит горькое; любит всякий шум, чем бы и кем бы он ни был произведен; боится тишины, инстинктивно, вероятно, чувствуя в ней начало смерти... С восторгом измазывается грязью и пылью с головы до ног; с ужасом приступает к умыванию; очень возмущается, когда его наказывают, но и противоположное ощущение - ласки близких ему людей - вызывает в нем отвращение.

Однажды в гостях у Додиных родителей сидели двое: красивая молодая дама Нина Борисовна и молодой человек Сергей Митрофанович, не спускавший с дамы застывшего в полном восторге взора. И было так: молодой человек, установив прочно и надолго свои глаза на лице дамы, машинально взял земляничную соломку и стал рассеянно откусывать кусок за куском, а дама, заметив вертевшегося тут же Додю, схватила его в объятия и, тиская мальчишку, осыпала его целым градом бурных поцелуев.

Додя отбивался от этих ласк с энергией утопающего матроса, борющегося с волнами, извивался в нежных теплых руках, толкал даму в высокую пышную грудь и кричал с интонациями дорезываемого человека:

- Пусс... ти, дура! Ос... ставь, дура!

Ему страшно хотелось освободиться от "дуры" и направить все свое завистливое внимание на то, как рассеянный молодой человек поглощает земляничную соломку. И Додя страшно хотелось быть на месте этого молодого человека, а молодому человеку еще больше хотелось быть на месте Додя. И один, отбиваясь от нежных объятий, а другой, печально похрустывая земляничной солодкой, с бешеной завистью поглядывали друг на друга.

Так слепо и нелепо распределяет природа дары свои.

Однако справедливость требует отметить, что молодой человек в конце концов добился от Нины Борисовны таких же ласк, которые получил и Додя. Только молодой человек вел себя совершенно иначе: не отбивался, не кричал: "Оставь, дура", а тихо, безропотно, с оттенком даже одобрения покорился своей вековой мужской участи...

Кроме перечисленных Додиных черт, в характере его есть еще одна черта: он - страшный приобретатель. Черта эта тайная, он не высказывает ее. Но, увидев, например, какой-нибудь красивый дом, шепчет себе под нос: "Хочу, чтобы дом был мой". Лошадь ли он увидит, первый ли снежок, выпавший на дворе, или приглянувшегося ему городского, Додя, шмыгнув носом, сейчас же прошепчет: "Хочу, чтобы лошадь была моя; чтобы снег был мой; чтобы городской был мой". Рыночная стоимость желаемого предмета не имеет значения. Однажды, когда Додина мать сказала отцу: "А знаешь, доктор нашел у Марины Кондратьевны камни в печени", - Додя сейчас же прошептал себе под нос: "Хочу, чтобы у меня были камни в печени".

Славный, бескорыстный ребенок.

* * *

Когда мама, поглаживая шелковистый Додин затылок, сообщила ему: "Завтра у нас будут блины..." - Додя не преминул подумать: "Хочу, чтобы блины были мои", - и спросил вслух:

- А что такое блины?

- Дурачок! Разве ты не помнишь, как у нас были блины в прошлом году?

Глупая мать не могла понять, что для пятилетнего ребенка протекший год - это что-то такое громадное, монументальное, что как Монблан заслоняет от его глаз предыдущие четыре года. И с годами эти монбланы все уменьшаются в росте, делаются пригорками, которые не могут заслонить от зорких глаз зрелого человека его богатого прошлого, ниже, ниже делаются пригорки, пока не останется один только пригорок, увенчанный каменной плитой да покосившимся крестом.

Год жизни наглухо заслонил от Додя прошлогодние блины. Что такое блины? Едят их? Можно ли на них кататься? Может, это народ такой - блины? Ничего в конце концов неизвестно.

Когда кухарка Марья ставила с вечера опару, Додя смотрел на нее с почтительным удивлением и даже, боясь втайне, чтобы всемогущая кухарка не раздумала почему-нибудь делать блины, искательно почистил ручонкой край ее черной кофты, вымазанной мукой.

Этого показалось ему мало.

- Я люблю тебя, Марья, - признался он дрожащим голосом.

- Ну, ну. Ишь какой ладный мальчущечка.

- Очень люблю. Хочешь, я для тебя у папы папиросок украду?

Марья дипломатично промолчала, чтобы не быть замешанной в назревающей уголовщине, а Додя вихрем помчался в кабинет и сейчас же принес пять папиросок. Положил на край плиты.

И снова дипломатичная Марья сделала вид, что не заметила награбленного добра. Только сказала ласково:

- А теперь иди, Додик, в детскую. Жарко тут, братик.

- А блины-то... будут?

- А для чего же опару ставлю!

- Ну, то-то.

Уходя, подкрепил на всякий случай:

- Ты красивая, Марья.

* * *

Положив подбородок на край стола, Додя надолго застыл в немом восхищении... Какие красивые тарелки! Какая чудесная черная икра... Что за поражающая селедка, убранная зеленым луком, свеклой, маслинами. Какая красота - эти плотные, слежавшиеся сардинки. А в развалившуюся на большой тарелке неизвестную нежно-розовую рыбу Додя даже ткнул пальцем, спрятав моментально этот палец в рот с деланно-рассеянным видом. ("Гм!.. Соленое".)

А впереди еще блины - это таинственное, странное блюдо, ради которого собираются гости, делается столько приготовлений, вызывается столько хлопот.

"Посмотрим, посмотрим, - думает Додя, бродя вокруг стола. - Что это там у них за блины такие..."

Собираются гости...

Сегодня Додя первый раз посажен за стол вместе с большими, и поэтому у него широкое поле для наблюдений.

Сбивает его с толку поведение гостей.

- Анна Петровна - семги! - настойчиво говорит мама.

- Ах, что вы, душечка, - ахает Анна Петровна. - Это много! Половину этого куска.

Ах, нет, я не съем!

"Дура", - решает Додя.

- Спиридон Иваныч! Рюмочку наливки. Сладенькой, а?

- Нет, уж я лучше горькой рюмочку выпью.

"Дурак!" - удивляется про себя Додя.

- Семен Афанасьич! Вы, право, ничего не кушаете!..

"Врешь, - усмехается Додя. - Он ел больше всех. Я видел".

- Сардинки? Спасибо, Спиридон Иваныч. Я их не ем.

"Сумасшедшая какая-то, - вздыхает Додя. - Хочу, чтоб сардинки были мои..."

Марина Кондратьевна, та самая, у которой камни в печени, берет на кончик ножа микроскопический кусочек икры.

"Ишь ты, - думает Додя. - Наверное, боится побольше-то взять: мама так по рукам и хлопнет за это. Или просто задается, что камни в печени. Рохля".

Подают знаменитые долгожданные блины.

Все со зверским выражением лица набрасываются на них. Набрасывается и Додя.

Но тотчас же опускает голову в тарелку и, купая локон темных волос в жидком масле, горько плачет.

- Додик, милый, что ты? Кто тебя обидел?..

- Бли... ны...

- Ну? Что блины? Чем они тебе не нравятся?

- Такие... круглые...
- Господи... Так что же из этого? Обрежу тебе их по краям - будут четырехугольные...
- И со сметаной...
- Так можно без сметаны, чудачина ты!
- Так они тестяные!
- А ты какие бы хотел? Бумажные, что ли?
- И... не сладкие.
- Хочешь, я тебе сахаром посыплю?

Тихий плач переходит в рыдание. Как они не хотят понять, эти тупоголовые дураки, что Доде блины просто не нравятся, что Додя разочаровался в блинах, как разочаровывается взрослый человек в жизни! И никаким сахаром его не успокоить. Плачет Додя.

Боже! Как это все красиво, чудесно началось - все, начиная от опары и вкусного блинного чада, - и как все это пошло, обыденно кончилось: Додю выслали из-за стола.

* * *

Гости разошлись.

Измученный слезами, Додя прикорнул на маленьком диванчике. Отыскав его, мать берет на руки отяжелевшее от дремоты тельце и ласково шепчет:

- Ну ты... блиноед африканский... Наплакался?

И тут же, обращаясь к отцу, перебрасывает свои мысли в другую плоскость:

- А знаешь, говорят, Антоновский получил от Мразича оскорбление действием.

И, подымая отяжелевшие веки, с усилием шепчет обуреваемый приобретательским инстинктом Додя:

- Хочу, чтобы мне было оскорбление действием.

Тихо мерцает в детской красная лампадка. И еще слегка пахнет всепроникающим блинным чадом...